

УДК 94(476.6) “1805/60”:619

ЭПИЗООТИЧЕСКОЕ СОСТОЯНИЕ ГРОДНЕНСКОЙ ГУБЕРНИИ В 1805 – 1860 ГОДАХ

А.С. БИЛЕЦКИЙ

(Гродненский государственный университет им. Я. Купалы)

Представлено комплексное исследование истории становления ветеринарии Гродненской губернии в первой половине XIX века. Опираясь на статистический материал, показан уровень её эпизоотического состояния, характеризующий особенности формирования и основные направления развития ветеринарной работы в губернии, в частности динамика численности заболевших и павших сельскохозяйственных животных за период с 1825 по 1860 годы от наиболее опасных и распространенных заразных заболеваний. Приводятся сведения об их количественном соотношении, устанавливаются основные причины, нанесенный ущерб и определяется масштаб распространения этих заболеваний. Предпринимается попытка анализа приведенных статистических данных. Замечено, что ветеринарно-санитарная работа в Гродненской губернии в первой половине XIX века имела ряд проблем. Доказывается, что на результат деятельности ветеринарии не влияло количество задействованного персонала.

Введение. Событийные и фактографические стороны эволюционного процесса развития России конца XVIII – первой половины XIX века частично представлены в научной литературе. Однако и отечественные, и зарубежные историки, оперируя макроисторическими категориями, часто схематизировали и нивелировали политические и социальные явления. Это значительно усложнило выявление причин возникновения, закономерностей и особенностей развития ветеринарного дела в Северо-Западном регионе Российской империи. Изучение как общероссийских, так и региональных модификаций ветеринарного дела имеет большое значение, потому что в российской, особенно советской историографии длительное время превалировала тенденция единообразия оценки происходящих процессов в центральных регионах империи и на ее пограничных территориях. Между тем, несмотря на общий результат и унификацию политического строя, разнообразие социально-политических сил как в центре, так и на периферии корректировало направление организации ветеринарной сферы жизни общества и государства.

В настоящее время возникла потребность осмыслить особенности формирования ветеринарного дела на белорусских землях, понять его сущность и раскрыть содержание. Опыт решения тех или иных задач в ветеринарной сфере деятельности общества прошлого может оказать неоценимую помощь в решении проблем на современном этапе, когда многие способы в реализации намеченных планов оказываются бездейственными. Поэтому предполагаемый теоретический анализ опыта работы ветеринарии Белоруссии представляет не только историческую, но и практическую значимость.

В сфере интересов наших исследований – процесс формирования и совершенствования ветеринарного дела в Гродненской губернии в первой половине XIX века и его анализ. При этом необходимо выделить группу наиболее важных среди прочих вопросов в изучении данной темы: организация ветеринарно-врачебной деятельности, становление и дальнейшее развитие санитарного надзора, а также ущерб, нанесенный инфекционными заболеваниями животных сельскому хозяйству края.

В связи с этим целью исследований явилось изучение и научное обобщение становления и развития ветеринарно-санитарной работы в Гродненской губернии в первой половине XIX века на основе анализа собранных статистических данных о числе заболевших и павших сельскохозяйственных животных от наиболее опасных инфекционных заболеваний, распространенных на данной территории.

Изученная литература по данной теме дает основание утверждать, что история ветеринарии на белорусских землях в первой половине XIX века в комплексе не была предметом специального научного исследования ни в дореволюционном, ни в последующих периодах как в отечественных, так и зарубежных источниках, хотя глубокий и всесторонний анализ архивных материалов, а также ряда косвенных работ, посвященных отдельным вопросам развития данной науки и практики в нашей стране, позволяют изучить становление ветеринарного дела и провести его дальнейший исторический анализ, оценить роль ветеринарной работы в сохранении и приумножении животноводства, раскрыть наиболее характерные проблемы развития данной науки и дать общую оценку ее результативности.

Основная часть. В дореволюционный период становления историографии указанной проблемы можно указать, пожалуй, единственную специальную работу, посвященную истории ветеринарии – книгу А.М. Руденко «Столетие русской военной ветеринарии 1812 – 1912» [1], а также некоторые немногочисленные статьи в медицинских и ветеринарных журналах второй половины XIX – начала XX века, написанные ведущими ветеринарными чиновниками и магистрами ветеринарных наук Российской империи. Среди наиболее полных исследований по истории ветеринарного образования западного края можно назвать работу польского автора Ю. Белинского «Виленский университет (1579 – 1831)» [2]. В книге содержится достаточно подробная информация об организации кафедры скотолечения Л. Боянусом в 1806 году, его жизни и деятельности в университете, а затем с 1823 года о работе ветеринарной школы,

вплоть до ее закрытия в 1832 году [2, с. 369 – 383]. Среди некоторых других трудов Белинского по истории медицины Литвы иногда встречаются данные по ветеринарной части. В частности, в книгах «Состояние медицинской науки во времена Виленской медико-хирургической академии» [3, с. 390 – 420] и «Адам Фердинанд Адамович: биографический очерк» [4] рассказывается о научной и практической деятельности некоторых ветеринарных ученых, пришедших на смену Боянусу, ярким представителем которых является А. Адамович, об их взаимоотношениях с праотцом Виленской ветеринарной школы Людвигом Боянусом, со студентами и университетом в целом, освещается дальнейшая судьба подготовки ветеринарных кадров, устройство и положение ветеринарного отделения Виленской медико-хирургической академии и многое другое. Однако данные, содержащиеся в этих источниках, являются малоценными в изучении истории ветеринарии Беларуси, поскольку содержат незначительную информацию, связанную с нашими территориями, и к тому же носят скорее популярный характер.

В советский период интерес исследователей к изучаемому вопросу значительно усилился. Публикации отличались немного большим составом исследователей, введенных в научный оборот архивных и иных источников, тематикой проводимых исследований. Однако их теоретико-методологическая основа выбиралась в зависимости от идеологических и общественно-политических условий.

Неоценимый вклад в изучение истории ветеринарии внес В.М. Коропов, опубликовавший учебное пособие «История ветеринарии в СССР» [5], который впервые комплексно изучил историю данной профессии в Российской империи. В работе автор обобщил опыт становления и развития ветеринарного дела, социально-экономическое и правовое положение ветеринарных кадров, их подготовку и влияние на дальнейшую динамику развития данной сферы жизни общества и государства. В другом подобном учебном пособии «История ветеринарии» И.Н. Никитина [6] история данной науки представлена поэтапно – в различные общественно-политические периоды. Показана ее роль в народном хозяйстве и здравоохранении. Основное внимание обращено на важнейшие условия, создавшие предпосылки к возникновению и проявлению характерных черт ветеринарной работы в условиях зарождения новых капиталистических отношений в обществе. Как и предыдущее исследование, названная книга характеризуется серьезным и взвешанным подходом к интерпретации приводимых сведений.

В течение советского периода опубликованные труды и собранные исторические материалы в научной литературе не отражают всестороннего развития ветеринарии нашей страны в первой половине XIX века, они касаются лишь отдельных проблем науки и практики. Поэтому давно назрела необходимость во всеобъемлющей проработке, изучении и систематизации полученного материала.

Публикации современного периода значительно отличаются от работ двух предыдущих периодов тематикой и методологией исследований, источниковой базой. Часть из использованных источников впервые была введена в научный оборот. Полученные научные результаты носят более объективный и системный характер. Примечателен ряд российских историков, занимающихся исследованием данной темы и широко представляющих свои материалы в различных изданиях. Стоит выделить учебное пособие по истории ветеринарии России Т.И. Минеевой [7]. В ее работе представлен широкий фактический материал с использованием как опубликованных, так и неопубликованных источников. Тут отражены истоки зарождения и этапы развития ветеринарии, дана оценка ее достижениям, показана ее неразрывная связь с общими процессами развития общества.

За последние десятилетия в научных трудах вузов и научно-исследовательских институтов опубликован ряд статей в различных журналах, и прежде всего в журнале «Ветеринария» в специальном разделе «История ветеринарии». Среди авторов можно отметить И.С. Колесниченко, Ю.В. Боева и др. [8 – 11], которыми установлены общие закономерности развития коннозаводской и военной ветеринарной службы в дореволюционный период; О.М. Гильмутдинову, С.И. Попова, Б.С. Семенова, Е. Е. Яковлеву и др. [12 – 15], благодаря которым показан вклад передовых ученых и организаторов ветеринарного дела, определена роль правительства и общества в становлении и дальнейшем совершенствовании ветеринарии на отдельных этапах экономического и политического развития России.

Значительные достижения в изучении истории ветеринарии можно найти у литовских коллег. И хотя исследований, посвященных данной теме в Литовской Республике, не так уж много, однако интерес к этим работам нам близок еще и потому, что на протяжении многих веков наши территории были объединены в рамках одного государства, а после вхождения белорусских земель в состав Российской империи часть ее нынешней территории была включена в состав Виленской губернии. Также стоит отметить, что работа ветеринарной школы Виленского университета, а затем ветеринарного отделения Виленской медико-хирургической академии в те годы имела огромное значение в подготовке ветеринарных специалистов-выходцев из белорусских губерний. Среди работ по истории ветеринарии Литовской Республики основными источниками являются: «Питание, санитария и ветеринария в армии до 1922 г.» В. Августаскас [16]; «Люди и животные древности», «Вклад в Литовскую ветеринарную историю» К. Алекса [17; 18]; «Ветеринария Литвы прошлого и настоящего» Э. Данилевичус [19]; «Краткая ветеринарная история Литвы до 1918 г.» А. Буракаускас [20]; «История Вильнюсского университета, 1803 – 1940» Й. Кубилюс и др. [21]; «Наука в старом Вильнюсском университете» А. Пирочкинас [22]; «История Литовской ветеринарной академии» Б. Знайдаускас и др. [23]; «Ветеринария Литвы» В. Стуйкис и др. [24].

Заметим, что вся изученная библиография в большинстве своем содержит общие сведения касательно устройства ветеринарии, характерные для всей Российской империи либо для территорий отдельных регионов современной России. А информация об особенностях функционирования ветеринарной части в белорусских губерниях упоминается редко и в незначительном количестве. Даже единственное учебное пособие для сельскохозяйственных вузов «История ветеринарной медицины в Беларуси» [25], изданное доктором ветеринарных наук, известным в Беларуси паразитологом А.И. Ятусевичем, не содержит исчерпывающих и глубоко проработанных архивных материалов по данной теме. Следовательно, не может являться в полной мере достоянием и основательным источником в изучении прошлого ветеринарии. В связи с этим достаточно давно назрела необходимость в издании фундаментального труда в данном направлении.

До организации самостоятельной ветеринарной службы – Ветеринарного управления и Ветеринарного комитета при Министерстве внутренних дел – все ветеринарное дело, включая борьбу с эпизоотиями, в основном находилось в ведении Медицинской коллегии Министерства полиции, а с 1811 года – Медицинского департамента Министерства внутренних дел [5, с. 238; 6, с. 58]. Всю работу на местах по ветеринарной части возлагали на медицинских чиновников врачебной управы, учрежденной в 1797 году, в частности, на губернского медицинского инспектора, городских и уездных лекарей, а там, где их не было, на земских начальников. Их деятельность в основном заключалась в составлении рапортов о факте возникновения той или иной эпизоотии, о количестве павших, заболевших, выздоровевших, зачастую без указания диагноза, причин болезни, мер по ликвидации и профилактике эпизоотии. Такая постановка ветеринарного дела еще долго не решала вопросов, касающихся массовых болезней животных [7, с. 134].

В Гродненской губернии с давних времен домашний скот заболел и падал от чумы, сибирской язвы и воспаления легких. Более того, наблюдалась большая потеря овец, особенно тонкорунных, от фасциолеза, оспы, а свиней поражали рожа и болезни копыт. Но все же самой страшной с хозяйственной точки зрения болезнью, происходившей всегда с огромными потерями и наиболее часто обнаруживаемой, являлась чума рогатого скота. Первые вспышки инфекционных заболеваний на гродненской земле были зафиксированы, как видно из рапорта Гродненского нижнего земского суда генерал-губернатору от 18 сентября 1805 года, в м. Воле и дер. Залески князя Любецкого, «...где скот рогатый падает не известно от чего» [26, л. 41]. Уже в октябре 1807 года Гродненскому губернатору было донесено, что за сентябрь в Волковысском уезде от чумы рогатого скота в дер. Незбодичах, Гриневичах, в м. Свислочи пало 233 головы. А старосты Волковысского в дер. Заречанах и в м. Яловке – 87 штук рогатого скота пали от чумы [27, л. 99]. В сентябре 1808 года в м. Сновье Новогрудского уезда и в соседнем им. Лисицах в течение трех дней пало скота 69 штук. Под угрозой оказался рогатый скот Владимирского мушкетерского полка, квартировавшегося неподалеку. Было опубликовано в тех имениях «дабы соблюдались правила и осторожности, указанные в статье 241 устава о губерниях, и имели наблюдения, предписанные Новогрудским уездным лекарем Вульфом по поводу лечения и правил предосторожности обращения со здоровым скотом» [27, л. 219 – 220]. Происходившие ежегодно практически в каждом уезде падежи домашнего скота в незначительном количестве считались нормальным явлением. Случались они, как тогда считалось, от «сильных жаров и засухи летом и больших морозов зимой», а также от «нечистоты воды» и «недоброкачественных пастбищ». Доказательством тому могут служить слова, написанные в рапорте инспектором Гродненской врачебной управы Меллином губернскому правлению в 1827 году: «...а что болезни местами и доселе на скот открываются, то сему причиною есть благоприятствующая им время года, а не расширение их через непосредственную заразу» [28, л. 18]. Данное высказывание инспектора как раз подтверждает господствовавшую в то время в обществе миазматическую теорию возникновения заболевания, когда утверждалось, что заразные болезни распространяются особыми болезнетворными частицами, взвешенными в воздухе (испаряющимися из «зловредных» болот, исходящими от трупов и пр.) и вдыхаемыми вместе с воздухом, – «миазмами». Что вполне соответствовало развитию тогдашней медицинской науки [29, с. 165].

В течение первой половины XIX века заразные болезни появлялись во всех крупных городах губернии. В некоторых уездных городах они свирепствовали по нескольку раз, уничтожая все поголовье животных. В сентябре 1829 года чума была зарегистрирована даже в г. Гродно [30, л. 24, 28, 30; 31, л. 543, 545]. По этой причине в 1842 году медицинский департамент Министерства внутренних дел издал распоряжение о разрешении, по усмотрению местного начальства, взыскания штрафа с хозяев за бродячий скот по улицам губернских и областных городов в размере 10 коп. серебром с крупного рогатого скота и 2 коп. серебром с мелкого скота с каждой головы, удваивая всякий раз плату за повторное нарушение. Администрация г. Гродно решила на такую меру в 1845 году в связи с нарастающим ежегодно числом эпизоотических вспышек заболеваний в губернии. На что было получено разрешение министра внутренних дел 11 октября [32, л. 1 – 5].

Анализ переписки по канцелярии Гродненского губернатора с врачебной управой и земской полицией показал несколько путей распространения болезней домашних животных в губернии: а) посредством прогоняемых из различных мест единичных животных, а также гуртов домашнего скота и б) в результате ежегодного движения рогатого скота через Гродненскую землю происходило из южных губерний, так как считалось, что там в силу лучших природных условий содержится более качественный скот [33, Ч. 1, с. 372]. Гурты степного скота, собранные в Волынской губернии, через Бердичев входили в Гродненскую губернию двумя путями – по дорогам от Ковеля и Пинска – и проходили разными путями в смежные губернии и Царство

Польское. Самым главным пунктом пригона степного скота было м. Влодавка Брестского уезда. Сюда на две ярмарки (15 августа и 4 октября) пригонялось ежегодно от 3 до 6 тысяч голов степного скота, не считая постоянного пригона на еженедельные торги, по четвергам и пятницам, до 500 штук и даже более, так что в круглый год в местечко Влодавку пригонялось до 30000 голов рогатого скота. Отсюда часть его шла в Царство Польское, через Влодавский карантин, на левом берегу Буга, а другая часть проходила по Гродненской губернии, не подвергаясь никакому осмотру [34, л. 189 – 196].

Число павших от заразных болезней сельскохозяйственных животных определить трудно, поскольку вплоть до конца 70-х годов XIX века в Российской империи общего государственного статистического учета заболеваемости, падежа и выздоровления животных не было. Представлялись только единичные рапорты с конкретных мест локализации болезней [5, с. 142; 6, с. 57; 7, с. 137]. Поэтому есть все основания полагать, что каждый год в Гродненской губернии регистрировались массовые вспышки инфекционных заболеваний домашнего скота, которые по той или иной причине в отдельные периоды не нашли своего отражения в документах. Положение со статистикой немного улучшилось после восстания 1830 – 1831 годов, когда, пытаясь восполнить упущенную бесконтрольность в литовских губерниях, власти предписывали начальникам губерний отчитываться перед генерал-губернатором по каждому вопросу и действию во всех сферах жизни Западного края, в том числе и по количеству заболевших, павших и остающихся больных сельскохозяйственных животных. Законодательно сформировавшаяся форма отчетности была закреплена при «наказе членам и служителям земской полиции» 3 июня 1837 года, где статистика приобрела совершенно новое значение, получив статус точной науки, в связи с чем к ней начали предъявляться более строгие требования [35, л. 39]. Однако, несмотря на это, официальные данные врачебной управы и земских судов существенно отличались друг от друга, притом у последних, как правило, показатели были выше. Это могло быть связано с разветвленной системой полицейских чиновников и, в частности, развитым институтом ключвойтов в западных губерниях, у которых была возможность собрать более подробные сведения о количестве заболевших и павших животных на местах, чем у медицинских чиновников и членов врачебной управы, которые, кроме того, были склонны занижать официальные цифры падежей, тем самым выгораживая себя перед лицом высшего начальства. Поэтому медицинские и ветеринарные врачи часто не доезжали до некоторых мест возникшей эпизоотии, а если им и удавалось посетить зараженные территории, то в такое время, когда болезнь уже практически прекращалась. Как заметила врачебная управа в 1850 году: «Земские полиции, получив сведения от подведомственных своих чиновников о заболевании скота, первоначально ограничиваются донесением о том губернскому начальству, тогда как, по силе закона 1842 г., по получении таковых сведений земский исправник вместе с уездным врачом или ветеринаром должны немедленно отправиться на то место для освидетельствования больных и определения рода и качества болезни. И после принятия первоначальных мер к излечению больных и прекращению болезни, исправник и врач обязаны доносить начальству. А между тем от несоблюдения этих правил появившаяся болезнь усиливается, и командированный туда врач находит уже эту заразу саму по себе прекратившеюся» [36, л. 190 – 193]. Следует также учесть и тот факт, что врачебная управа в первую очередь обращала внимание на болезни животных, происходившие в государственных имениях, что односторонне отражалось на ветеринарной статистике в годовых отчетах Гродненскому гражданскому губернатору. Например, по показанию врачебной управы, в 1837 году овец пало в Слонимском уезде 215 голов, но, по полицейским сведениям, павших овец в основном от фасциолеза в этом году и также только в Слонимском уезде показано до 10000 [37, л. 252]; в 1839 году в годовом отчете Гродненского гражданского губернатора к генерал-губернатору, основанному на данных врачебной управы, значится количество павших животных во всей Гродненской губернии 816 голов [38, л. 10], тогда как, по собранному нами сведениям, состоящим практически полностью на этот год из донесений земского суда, вышло 1065; из рапортов ветеринаров и уездных врачей в 1841 году числилось павшими по Кобринскому уезду 866 голов крупного рогатого скота и 1835 голов овец, однако, по показанию Кобринского земского суда, рогатого скота пало 2618, а овец 21041 голова у помещиков и крестьян в течение зимы и весны [39, л. 2]. Пожалуй, самая рекордная разница была установлена нами в 1845 году, когда, по официальным данным, пало рогатого скота 4956 голов и 1529 голов овец, а по отчетам земских исправников можно увидеть, что количество павшего скота составляет 21619 голов и овец 151051 голова, и это только за зиму 1844 – 1845 годов [40, л. 101, 105 – 125; 41, л. 27 об.]; в 1849 году врачебная управа в годовой ведомости приводит цифру падежа различных животных от инфекционных заболеваний в Гродненской губернии в 7350 голов, при этом земские исправники – 8420 [36, л. 47, 55]; и наконец, в 1856 году – 9060 голов, но, по полицейским сведениям, павшего зачумленного скота в этом году показано до 40 000 голов [33, Ч. 1, с. 369]. Во всех этих сведениях уже по одному их противоречию нет никакой точности, да ее и быть не может, из-за того, что везде, где появлялся падеж скота, жители не только вовремя не сообщали об этом властям, но и старались всячески скрыть информацию от начальства; одни, полагая, что никакие средства не помогут, другие – из-за корысти, опасаясь запрета торговать большим скотом и кожами павших животных; третьи, как, например, крестьяне, – по неосмотрительности и незнанию отрицательных последствий, от возникающих эпизоотий. Это усугублялось игнорированием дворовым начальством имений, самими крестьянами и земскими полициями правил предохранения скота от заразных болезней и других причин.

В таблице представлены сведения о количестве заболевших и павших домашних животных за период с 1825 по 1860 год с показаниями по видам болезней и по уездам Гродненской губернии.

Общая ведомость о числе заболевших и павших сельскохозяйственных животных в Гродненской губернии в 1825 – 1860 годы

Годы	Заболело, голов	Пало, голов	Пало на 100 заболевших	Количество павших животных по видам болезней, голов	Количество павших животных по уездам, голов		
1825	–	–		В 10 лет пало рогатого скота и лошадей: от чумы – 12123 от сибирской язвы – 894 от перипневмонии – 535 от других болезней – 25	В 10 лет пало различных видов животных в уездах: Брестском – 1322 Волковыском – 1103 Гродненском – 2282 Кобринском – 4141 Лидском – 206 Новогрудском – 732 Пружанском – 861 Слонимском – 2930		
1826	Нет данных	236					
1827		238					
1828		232					
1829		2963	2450			82,7	
1830	1109	879	79,3				
1831	3225	2604	80,7				
1832	5809	4747	81,7				
1833	2529	1973	78				
1834	281	218	77,6				
В 10 лет	15916	13577					
1835	213	162	76,1	В 10 лет пало рогатого скота и лошадей: от чумы – 3251 от сибирской язвы – 2577 от перипневмонии – 3550 от ящура – 110 В 10 лет пало овец: от оспы – 11670 от фасциолеза – 14316 от других болезней – 48	В 10 лет пало различных видов животных в уездах: Брестском – 1258 Волковыском – 6266 Гродненском – 4331 Кобринском – 12133 Лидском – 464 Новогрудском – 1192 Пружанском – 4174 Слонимском – 5706		
1836	934	884	94,6				
1837	9993	9693	97				
1838	6251	1587	25,4				
1839	3801	1065	28				
1840	2827	1184	41,9				
1841	20788	13913	67				
1842	255	140	55				
1843	1974	361	18,3				
1844	6630	6535	98,6				
В 10 лет	53666	35524					
1845	9601	6485	67,5	В 3 года пало рогатого скота и лошадей: от чумы – 5333 от сибирской язвы – 318 от перипневмонии – 358 В 3 года пало овец: от оспы – 118 от фасциолеза – 1411 от других болезней – 18	В 3 года пало различных видов животных в уездах: Белостокском – 178 Бельском – 97 Брестском – 804 Волковыском – 251 Гродненском – 132 Кобринском – 3950 Пружанском – 512 Слонимском – 1632		
1846	925	782	84,5				
1847	344	289	84				
В 3 года	10870	7556					
1848	1175	943	80,3	В 10 лет пало рогатого скота и лошадей: от чумы – 30487 от сибирской язвы – 1382 от перипневмонии – 279 от чесотки – 19	Нет данных		
1849	12730	9041	71				
1850	6287	3975	63,2				
1851	3487	2130	61,1				
1852	1386	555	40				
1853	536	149	27,8				
1854	1187	959	80,8				
1855	4365	2633	60,3				
1856	11815	9060	76,8				
1857	4112	2722	66,2				
В 10 лет	47120	32167					
1858	515	406	78,8	В 3 года пало рогатого скота и лошадей: от чумы – 9217 от сибирской язвы – 551	В 3 года пало в уездах: Белостокском – 203 Бельском – 222 Брестском – 364 Волковыском – 203 Гродненском – 169 Кобринском – 6706 Пружанском – 19 Слонимском – 1863 Сокольский – 19		
1859	Нет данных	748					
1860	Нет данных	8614					
В 3 года		9768					
Итого	128087	98592					

Данные за 1825 – 1851 годы были собраны нами из официальных документов: рапортов медицинских и полицейских чиновников, отчетов инспектора врачебной управы и исправников земских судов, а также годовых отчетов гражданского губернатора. Эти сведения были проанализированы и при необходимости дополнены друг другом. Причем следует добавить, что в журнале присутствия губернского правления говорилось о благополучии губернии по заразным болезням животных в 1825 году [42, л. 1175 – 1178]. Статистика

падежей в период с 1852 по 1858 год была взята из книги Бобровского «Материалы для географии и статистики России...» [33, прил. к Ч. 1, с. 85], которая составлена только на основании официальных показаний Гродненской врачебной управы, а данные за 1859 и 1860 годы – из памятных книг [43, с. 198; 44, с. 206].

Из таблицы видно, что всего за 36 лет в губернии пало от заразных болезней различных видов сельскохозяйственных животных 98592, или примерно 77 % от количества заболевших голов, в том числе от чумы рогатого скота – 60411 голов, или 61,3 % от общего количества павших животных в губернии; различных видов животных от сибирской язвы – 5722, или 5,8 %; повального воспаления легких – 4722, или 4,9 %; овец от фасциолеза и других паразитарных заболеваний – 15727, или 16 %; оспы – 11788, или 12 %. В первое десятилетие (с 1825 до 1834 г.) по сравнению с другими периодами пало меньше всего домашнего скота, в среднем по 1378 голов ежегодно, против 3552 во втором (с 1835 по 1844 г.) и 3217 в третьем десятилетии (с 1848 по 1857 г.). Это объясняется скорее всего недостаточными сведениями, сохранившимися в архивах, в которых, заметим, до 30-х годов учитывались практически только чума, сибирская язва и повальное воспаление легких, или перипневмония.

По такому показателю, как количество павших животных на 100 заболевших, можно судить с большой вероятностью о виде заболевания, происходившего в тот или иной год, с поправкой на некоторый процент вылеченных животных в связи с развитием ветеринарной науки того времени. Поскольку чума являлась самой смертельной из того перечня болезней, которые обычно регистрировались в Гродненской губернии, то этот показатель для нее составлял, как правило, от 70 голов, павших на 100 заболевших животных, и выше, или более 70 %. Не меньший ущерб наносила сибирская язва и перипневмония с 60 – 70 %-ной смертностью. Затем можно выделить оспу и фасциолез овец, у которых этот показатель мог колебаться примерно с 40 до 60 %. Самая низкая смертность наблюдалась у ящура – до 10 %, болезнь часто сама собой прекращалась, даже без какого-либо лечения [45, с. 127 – 132, 221, 318, 552]. Поэтому при появлении ящура помещики не только не разыскивали ветеринарных врачей для принятия мер, но даже не доносили об этом земской полиции. Хотя несведущие граждане часто путали ящур и чуму рогатого скота из-за схожести проявления их признаков или специально прикрывали этим свое поведение в деле ликвидации эпизоотической чумы, что становилось причиной ее массового распространения. Исходя из сказанного, в таблице можно увидеть, что чума рогатого скота случалась в Гродненской губернии практически каждый год. Достаточно сказать, что в 36-летний период мы можем указать не более чем на восемь или на девять таких лет, когда во врачебных и полицейских отчетах не было отмечено падежа скота от этой болезни. Но в 1832, 1837, 1844 – 1845, 1849, 1856 и 1860 годах чума свирепствовала с такой силой, что не оставила в деревнях ни одной скотины. В эти 7 лет пало 54175 голов, или более половины павшего скота за весь рассматриваемый период. Эти сильнейшие вспышки преимущественно чумной эпизоотии были связаны прежде всего с возникавшими неурожаем и, как следствие, всеобщим голодом, наиболее крупные из которых происходили в Гродненской губернии в 1841, 1844 – 1845 годах, а также в период с 1853 по 1857 год [5, с. 230; 29, с. 30; 33, Ч. 1, с. 374]. Существенный вклад в распространение и развитие инфекционных заболеваний также вносили интенсивные перемещения как военных, так и гражданских гуртов различных животных в отдельные годы. Боевые действия на территории губернии в 1830 – 1831 годы объединили два вышеназванных фактора и привели к опустошению хозяйства края. А в последующем, в связи с появлением огромного числа конфискованных имений, ослаб и контроль за их управлением, в том числе и за ведением животноводства, что непосредственно сказалось на увеличении количества случаев падежей домашнего скота от заразных болезней. Кроме того, из собранных нами сведений в архивах стало достоверно известно, что сибирская язва преимущественно господствовала в 1826, 1827 годах; в 1830 году все основные заболевания свирепствовали в Гродненской губернии примерно в равной степени; ящур наблюдался в 1839 году; различные паразитарные заболевания, в том числе фасциолез, случились в 1840 году, вместе с повальным воспалением легких и сибирской язвой свирепствовали в 1841 году; оспа овец – в 1843 году, а вместе с ящуром происходили в 1838 году; чесотку и лишай, сопряженные с воспалением легких, можно было наблюдать в 1853 году, сибирскую язву вместе с повальным воспалением легких – в 1852 и 1855 годах.

Следует также сказать, что в статистических сведениях, приведенных в «Материалах для географии и статистики России...» Бобровского, отсутствуют официальные данные о падеже овец; но, рассматривая их количество за отдельные годы и находя, что число тонкорунных овец в конце первой половины XIX века уменьшилось почти в два раза против 1843 года, а также принимая во внимание вышеперечисленные причины, в том числе учитывая и неурожайные годы, мы не ошибемся, если скажем, что 1845, 1854 и 1856 годы произвели весьма сильные опустошения в стадах мериносов.

За тридцатилетний период (1825 – 1851; 1858 – 1860 гг.) наиболее сильный ущерб от существовавших эпизоотий был нанесен Кобринскому уезду, в котором пало разного рода домашнего скота, с учетом неофициальных данных земских судов, 36,5 % от общего количества павших животных в губернии, затем следуют Слонимский, Пружанский и Волковысский уезды, у которых процент павших животных составил 16,7, 14,1 и 12 % соответственно. Общая структура распределения падежей за указанные годы может служить доказательством приоритетного пути распространения инфекционных заболеваний, и прежде всего чумы рогатого скота, поскольку на территории вышеназванных уездов непосред-

ственно располагались важнейшие скотопробные тракты, по которым следовали гурты из Украины в Царство Польское и Минскую губернию. Следует также указать, что после присоединения Белостокской области к Гродненской губернии в 1842 году здесь за небольшой промежуток времени (13 лет) пало значительное количество домашнего скота: в Белостокском уезде 10,7 %, в Сокольском 2,9 %, в Бельском 1,1 % от общего числа павших животных за весь исследуемый период против 0,7 и 0,2 % отсоединенных Новогрудского и Лидского уездов за 17-летний отрезок времени.

Таким образом, происходившие ежегодно опустошительные падежи скота в Гродненской губернии приносили огромный фактический экономический ущерб. Так, исходя из данных Бобровского [33, прилож. к Ч. 1, с. 84] и отчетов начальника губернии, можно сказать, что в течение 15 лет (с 1843 по 1857 г.) на среднее наличное число 188478 голов от чумы и сибирской язвы заболело 70431 и из этого числа пало 42280 голов, так что на 100 голов из наличного числа скота заболело 2,3 % и пало 1,5 %, а из заболевшего пало около 65 %. Путем несложных вычислений, принимая стоимость лучших на то время пород рогатого скота в среднем за 40...50 руб. серебром за одну голову (данные на 1844 г.) [33, Ч. 2, с. 128], можно узнать ущерб, нанесенный падежами в Гродненской губернии за 15 лет, который составил примерно два миллиона рублей серебром. И это не считая значительных затрат на лечение животных и проезд ветеринарных и уездных врачей к местам возникавших очагов эпизоотий. Учитывая, что после массовых падежей скота из-за их недостатка или отсутствия, а также гибели местных жителей от общих с животными заболеваний, крестьяне часто не могли исполнять в полной мере свои обязанности перед помещиками, от чего значительно терпело как само население, так и государство. В октябре 1831 года Брестский предводитель дворянства отмечал: «Принимая во внимание донесение администратора казенного имения Радости, что рогатый скот дворовой и крестьянский почти весь выпал от существующей в уезде заразы и от того крестьяне не в состоянии выполнять разные повинности, что грозит всеобщей неуплатой податей» [46, л. 42]. Тем более что выздоровевший скот всегда оставался с частными повреждениями организма, хроническими недугами, потерей значительной части массы тела, молока у коров, продуктивности, качества мяса и другими остатками болезни. Недаром врачебная управа начиная с 1840 года неоднократно писала в рапортах губернатору: «Уже от нескольких лет по всем почти казенным имениям Гродненской губернии существует на овцах и скоте падеж, прекращение которых не зависит даже от усердия командированных управою медиков, от чего казна теряет ежегодно огромную сумму денег. На что врачебная управа предлагает вовсе продать всех казенных овец и скот, что для казны может быть гораздо выгоднее, а содержать их такое количество, которое будет сообразно местоположению имений и нужных обстоятельств, при надлежащем содержании и хорошем надзоре удобнее могут уцелеть» [47, л. 15 – 16; 48, л. 71, 73; 50, л. 1 – 3]. Чуть позже министерство государственных имуществ все же пошло на эту меру, предписав палатам государственных имуществ западных губерний предложить часть оставшегося здорового скота крестьянам под круговое поручительство общества с рассрочкой на 6 лет без процентов, а остальную часть – продать с публичного торга на общих основаниях [49, л. 5об., 6].

В заключение следовало бы заметить, что первый губернский ветеринарный врач Венедикт Флигель появился в Гродненской губернии 14 января 1830 года [50, Л. 5], а уже в конце 40-х – начале 50-х годов XIX века, согласно рапорту врачебной управы генерал-губернатору от 28 июля 1850 года, всего числилось в губернии 6 ветеринарных специалистов и 1 вольный ветеринарный практикант, подведомственные врачебной управе [36, л. 209 – 212; 33, прил. к Ч. 2, с. 76 – 77]. Однако, как видно из таблицы, увеличение числа ветеринарных работников в этот период не сказалось коренным образом на уменьшении количества падежей сельскохозяйственных животных в Принеманском крае.

Заключение. В первой половине XIX века в Гродненской губернии обширно свирепствовали падежи сельскохозяйственных животных. Так, число павшего домашнего скота по официальным данным в период с 1825 по 1860 год, по нашим подсчетам, составило 98592 голов, хотя если учитывать отдельные сведения членов земской полиции в самые неблагоприятные годы, то эта цифра составила более 325000 павших животных. Подобная разница возникла из-за того, что жители утаивали падеж скота. Одни, полагая, что никакие средства не помогут, другие из-за корысти, опасаясь запрета торговать большим скотом и кожами павших животных; третьи, как, например, крестьяне, по неосмотрительности и незнанию отрицательных последствий, от возникающих эпизоотий. Это усугублялось игнорированием дворовым начальством имений, самими крестьянами и земскими полициями правил предохранения скота от заразных болезней, издававшихся врачебной управой практически ежегодно, а также низкой животноводческой культурой населения и других причин. Нужно принять во внимание и постоянные вспышки эпизоотических болезней, возникавшие на территории Минской и Волынской губерний на протяжении первой половины XIX века, которые не могли дать Гродненской губернии стационарного благополучия.

Бесперывные волны двигавшегося по разным направлениям гражданского скота и передвижение скота, предназначавшегося для нужд армии, без соблюдения установленных мер в отношении предупреждения разноса эпизоотии, а также то, что скотопромышленники, вопреки запрету, приводили в разные места губернии зараженный скот, продавая его и кожи, снятые с павших голов, местным жителям, впрочем, как и сало, шерсть, рога и копыта, и другие причины, явились основой для угрожающего развития наиболее опасных из этих эпизоотий – чумы, сибирской язвы и повального воспаления легких, как раз в тех местах, где вышеназванные события происходили наиболее интенсивно.

Первый ветеринарный врач в Гродненской губернии официально начал работать с января 1830 года, и к концу первой половины XIX века число врачей постепенно увеличивалось. Однако это существенных результатов не дало, поскольку меры по преодолению инфекционных заболеваний животных проводились не комплексно, идентично и не систематически.

ЛИТЕРАТУРА

1. Столетие русской военной ветеринарии, 1812 – 1912 / сост. гл. военно-ветеринарный инспектор, магистр ветеринарных наук, тайный советник А.М. Руденко. – СПб.: Тип. Тренке и Фюсно, 1912. – 406 с.
2. Bielinski, J.S. Uniwersytet Wilenski (1579 – 1831): T. 1 – 3 / J.S. Bielinski – Kraków: Druk W.L. Anczyca i spółki, 1899 – 1900. – Т. 2. – 845 s.
3. Bielinski, J.S. Stan nauk lekarskich za czasów Akademii Medyko-Chirurgicznej Wileńskiej, bibliograficzne przedstawiony: pszyczynek do dziejów medycyny w Polsce / J. Bieliński. – Warszawa: Towarzystwo Lekarskie Warszawskie, 1889 – 907 s.
4. Bielinski, J.S. Adam Ferdynand Adamowicz: szkic biograficzny: przez d-ra Szeligę / J.S. Bielinski. – Warszawa: Druk K. Kowalewskiego, 1885. – 30 s.
5. Коропов, В.М. История ветеринарии в СССР / В.М. Коропов. – М.: Гос. изд. с.-х. лит., 1965. – 264 с.
6. Никитин, И.Н. История ветеринарии / И.Н. Никитин, В.И. Калугин. – М.: Агропромиздат, 1988. – 191 с.
7. Минеева, Т.И. История ветеринарии / Т.И. Минеева – СПб.: Лань, 2005. – 384 с.
8. Колесниченко, И.С. Военному образованию в России – 300 лет / И.С. Колесниченко // Ветеринария. – 2001. – № 2. – С. 53 – 54.
9. Колесниченко, И.С. Исторические военно-ветеринарные законодательные документы России / И.С. Колесниченко // Ветеринария. – 2007. – № 4. – С. 54 – 57.
10. Колесниченко, И.С. Развитие законодательства, регулирующего ветеринарное образование и присуждение ветеринарных ученых степеней в России в XVIII – XIX вв. / И.С. Колесниченко // Ветеринария. – 2008. – № 5. – С. 55 – 56.
11. Боев, Ю.В. Коновальных дел мастер / Ю.В. Боев // Военно-промышленный курьер. – 2007. – № 24(190). – С. 15 – 17.
12. Гильмутдинова, О.М. Высшему ветеринарному образованию в Казани – 125 лет / О.М. Гильмутдинова // Ветеринария. – 1998. – № 5. – С. 58 – 60.
13. Попов, С.И. «Нестроевые офицеры». Гражданские чиновники в войсках военно-сухопутного ведомства 1801 – 1855 гг. / С.И. Попов // Цейхгауз (11). – 2000. – № 2. – С. 16 – 20.
14. Семенов, Б.С. Санкт-Петербург – родина высшего ветеринарного образования в России (к 190-летию высшего ветеринарного образования в России) / Б.С. Семенов // Ветеринария. – 1998. – № 8. – С. 41 – 44.
15. Яковлева, Е.Е. Первые организаторы ветеринарной службы в Казанской губернии / Е.Е. Яковлева // Ветеринария. – 2005. – № 10. – С. 61 – 64.
16. Augustauskas, V. Kariuomenės tiekimas, sanitarija ir veterinarija: sistematizuotas rinkinys įsakymų, įstatymų ir taisyklių, išleistų kariuomenei iki 1922 m. sausio 1 d. / V. Augustauskas, V. Tarasevicius – Kaunas: K.A.M., Karo mokslo skyrius, 1923. – XVI, 749 p.
17. Aleksa, K.J. Žmonių ir gyvulių pajauninimas / K.J. Aleksa – Marijampolė: “Dirvos” b-vė, 1926. – 31 p.
18. Aleksa, K.J. Įnašas į Lietuvos veterinarijos istoriją / K.J. Aleksa // Veterinarijos ir zootechnijos. – 1935. – № 3. – P. 2 – 12.
19. Danilevičius, E. Veterinarija Lietuvoje seniau ir dabar: (medžiaga lektoriui) / E. Danilevičius. – Vilnius: Lietuvos TSR “Zinijos” d-ja. Žemės ūkio moksl.-mėtod. taryba, 1966. – 18 p.
20. Burakauskas, A. Trumpa Lietuvos veterinarjos istorija iki 1918 metų / A. Burakauskas, E. Danilevičius; LTSR Ž.-ū. M-ja. Lietuvos Veterinarijos moksl. tyrimo in-tas. – Vilnius: LKP CK I-kla, 1970. – 55 p.
21. Vilniaus Universiteto istorija, 1803 – 1940 / [redakcinė kolegija: J. Kubilius (pirmininkas) ... [et al.]; Vilniaus Darbo Raudonosios Vėliavos Ordino Valstybinis V. Kapsuko Universitetas. – Vilnius: Mokslas, 1977. – 344 p.
22. Piročkinas, A. Mokslas senajame Vilniaus universitete / A. Piročkinas, A. Šidlauskas, J. Kubilius (pirmininkas). – Vilnius: Mokslas, 1984. – 328 p.
23. Lietuvos veterinarijos akademijos istorija: [str. rink.] / redkol.: B. Znaidauskas (ats.red.) ... [et al.] – Vilnius: Mokslas, 1992. – 126 p.
24. Stukys, V. Veterinarija Lietuvoje / [autoriai-sudarytojai V. Stukys, K. Lukauskas; straipsnių bendraautoriai: A. Burakauskas, E. Danilevičius, J. Kairiukstis, V. Kemėža, R. Mockeliunas, A. Silkunas]. – Vilnius [i.e. Kaunas: Judex], 2000 – 196 p., [20] iliustr.
25. Ятусевич, А.И. История ветеринарной медицины в Беларуси / А.И. Ятусевич, Н.С. Безбородкин. – Витебск: ВГАВМ, 2004. – 200 с.
26. Литовский государственный исторический архив (далее – ЛГИА). – Фонд 378. – Оп. 1804 BS. – Д. 354. Дело по отношению Виленского вице-губернатора к генерал-губернатору о скотском падеже в литовских губерниях 1804 – 1805 гг.
27. ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1807 BS. – Д. 166. Дело о появившихся в разных местах по литовским губерниям на людях и скот болезнях 1807 – 1809 гг.

28. Национальный исторический архив Беларуси в г. Гродно (далее – НИАБ в Гродно). – Фонд 1. – Оп. 2. – Д. 2047. Переписка с врачебной управой о появившейся эпизоотической болезни по уездам Гродненской губернии 1827 г.
29. Грицкевич, В.П. С факелом Гиппократ: Из истории белорусской медицины / В.П. Грицкевич. – Минск: Наука и техника, 1987. – 271 с.
30. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 694. Дело о появившейся эпизоотической болезни на скоте в уездах Гродненской губернии 1829 г.
31. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 523. Дело о происшествиях случившихся по Гродненской губернии за 1829 г.
32. ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1845 BS. – Д. 555. Дело о введении штрафов за бродящих по улицам скоте в г. Гродно 1845 г.
33. Бобровский, П.О. Материалы для географии и статистики России, собранные офицерами Генерального штаба. Гродненская губерния: в 2 ч., прил. к Ч. 1 – 2 / П.О. Бобровский. – СПб.: Тип. департамента Ген. штаба, 1863. – 2 ч., прил. к Ч. 1 – 2.
34. НИАБ в Гродно. – Фонд 14. – Оп. 1. – Д. 639. Ведомости, отчеты и др. со статистическими сведениями по городам и уездам Гродненской губернии 1835 – 1840 гг.
35. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 19. – Д. 1557. Отчет о состоянии и управлении Гродненской губернией за 1838 г.
36. ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1848 BS. – Д. 476. Дело о заразительных на скоте болезнях в западных губерниях 1848 – 1850 гг.
37. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 19. – Д. 1556. Отчет о состоянии и управлении Гродненской губернией за 1837 г.
38. ЛГИА. – Фонд 378. – Оп. 1839 BS. – Д. 1388. Годовой отчет Гродненского гражданского губернатора за 1839 г.
39. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 599. Дело об учреждении в Вильне ветеринарного училища 1841 г.
40. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 1736. Дело с ведомостями о болезнях на скоте в Гродненской губернии 1845 г.
41. НИАБ в Гродно. – Фонд 12. – Оп. 1. – Д. 549. Дело о приезде Министра внутренних дел Сеневича в Гродненскую губернию для ознакомления с состоянием народного продовольствия 1846 г.
42. НИАБ в Гродно. – Фонд 2. – Оп. 38. – Д. 164. Журнал присутствия Гродненского губернского правления за 1825 г.
43. Памятная книжка Гродненской губернии на 1861 год / сост. Гродненским губернским стат. ком. – Гродно: Тип. губ. правл., 1861. – 219 с.
44. Памятная книжка Гродненской губернии на 1862 год / сост. Гродненским губернским стат. ком. – Гродно: Тип. губ. правл., 1862. – 214 с.
45. Эпизоотология и инфекционные болезни / А.А. Конопаткин [и др.]; под ред. А.А. Конопаткина. – 2-е изд., перераб. и доп. – М.: Колос, 1993. – 688 с.
46. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 1232. Дело о появившейся в Кобринском уезде на рогатом скоте чумы в 1831 г.
47. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 20. – Д. 395. Дело о болезнях на скоте в 1840 г.
48. НИАБ в Гродно. – Фонд 31. – Оп. 2. – Д. 194. Дело о люстрации имения Деречин Слонимского уезда 1840 г.
49. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 5. – Д. 190. Переписка с врачебной управой о существовании различных болезней на овцах и скоте по Гродненской губернии 1841 г.
50. НИАБ в Гродно. – Фонд 1. – Оп. 3. – Д. 587. Дело о зачислении медицинских работников на должности, о перемещении и увольнении их, о выдаче денежного содержания и пенсии 1829 г.

Поступила 07.05.2013

ЕPIZOOTIC CONDITION OF GRODNO PROVINCE IN 1805 – 1860

A. BILETSKI

A comprehensive study of the history of veterinary science of Grodno province in the first half of the XIXth century is presented. Relying on the statistical material, the level of epizootic state of Province, characterizing features of the formation and the main directions of development of veterinary work in Grodno province is shown, in particular, the dynamics of the number of diseased and dead farm animals during the period from 1825 to 1860 from the most dangerous and widespread infectious diseases, information on their quantitative ratio is provided, the basic causes and damage are established, and the the scale of spreading of these diseases is defined. An attempt is made to analyze the given statistical data. It has been noticed, that veterinary and sanitary work in Grodno province in the first half of the XIXth century faced a number of problems. It is proved, that the quantity of the personnel didn't influence the result of the veterinary activity.